

СРАВНИТЕЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ

О «ПРОТЕСТАНТСКОМ ПЛЕНЕНИИ»

В ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ
ЦЕРКВИ

Священник Александр Сухарев

кандидат богословия
аспирант ОЦАД
старший преподаватель кафедры богословия Московской
духовной академии
141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
sas@mepar.ru
<https://orcid.org/0009-0001-9916-0703>

Для цитирования: Сухарев А., *свящ.* О «протестантском пленении» в литургической практике Католической Церкви // Богословский вестник. 2026. № 2 (61). С. 85–101. DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.004

Аннотация

УДК 2-66 (27-528)

Теория и практика межхристианского диалога предполагает не только поиск и констатацию общих ценностей и различий, но и разрешение вопроса о степени, характере и последствиях обоюдного влияния. Конструктивность диалога во многом определяется умением отделять благотворное воздействие от негативного, творческое обогащение от слепой зависимости. Особенно важным представляется проводить такое разделение в области литургии, в которой основания веры и духовной жизни теснейшим образом связаны с молитвенной практикой Церкви. Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена исследованию вопроса о существовании и характере влияния протестантского богословия на католическую литургию в богословском, историческом и церковно-практическом аспектах. Исследование показывает, что протестантское влияние может быть условно разделено на два типа, в котором «обновляющему» соответствует помощь в возрождении утраченных или забытых элементов церковного Предания, а «изменяющему» — введение специфических черт вероучения и духовности, искажающих

традиционное понимание Церкви и христианской жизни. Методология исследования и выводы, полученные автором, могут быть применены к рассмотрению любого вида межхристианского взаимодействия, особенно в сфере богослужения и таинств.

Ключевые слова: литургия, месса, пленение, влияние, Лютер, Кальвин, Тридентский собор, II Ватиканский собор, Novus Ordo.

Статья поступила в редакцию 6.2.2026; одобрена после рецензирования 9.2.2026

On the «Protestant Captivity» in the Liturgical Practice of the Catholic Church

Priest Alexander Sukharev

PhD in Theology

postgraduate student at the Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies

Senior Lecturer at the Department of Theology, Moscow Theological Academy

Holy Trinity- St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russian Federation

sas@mepar.ru

<https://orcid.org/0009-0001-9916-0703>

For citation: Sukharev, Alexander, priest. “On the ‘Protestant Captivity’ in the Liturgical Practice of the Catholic Church”. *Theological Herald*, no. 2 (61), 2026, pp. 85–101 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.004

Abstract. The theory and practice of inter-Christian dialogue involves not only the search for and statement of common values and differences, but also the resolution of the question regarding the degree, nature, and consequences of mutual influence. The constructiveness of such dialogue is largely determined by the ability to distinguish beneficial influence from negative impact, and creative enrichment from blind dependence. It appears particularly important to make such a distinction in the field of liturgy, where the foundations of faith and spiritual life are closely intertwined with the prayer practice of the Church. This article explores the substance and nature of the influence of Protestant theology on the Catholic liturgy from theological, historical, and practical perspectives. The study demonstrates that Protestant influence can be conventionally divided into two types: «renovating» influence, which aids in the restoration of lost or

forgotten elements of Church Tradition, and «altering» influence, which introduces specific doctrinal and spiritual features that distort the traditional understanding of the Church and Christian life. The research methodology and the author's conclusions can be applied to the study of any form of inter-Christian interaction, especially in the realm of worship and the sacraments.

Keywords: liturgy, mass, captivity, influence, Luther, Calvin, Council of Trent, Second Vatican Council, «Novus Ordo».

The article was submitted on 2/6/2026; approved after reviewing on 2/9/2026

Согласно апостольскому определению, Церковь есть Тело Христово (Еф. 1, 23), живое единство и взаимосвязь составляющих его членов. В земной, эмпирической действительности эти связи могут укрепляться или разрушаться, множиться или ослабевать. Наиболее ощутимыми эти процессы становятся в литургии, которая представляет собой наиболее сконцентрированное выражение христианской веры. Знакомство с историей протестантского воздействия на литургическую практику Католической Церкви помогает понять природу и генезис этого явления, подробнее остановиться на самих понятиях «влияние» и «пленение», которые нередко используются в более широком контексте идейного порабощения одного богословия другим.

Общеизвестно, что протестантизм базируется на пяти основных принципах (пять «только»): единственность веры, Писания, Христа, благодати и Божией славы. Отправной точкой в рассуждениях о протестантском влиянии являются труды отцов Реформации. Любопытно, что М. Лютер, критикуя современную ему католическую практику семи таинств, называл её «пленением», а точнее, «Вавилонским пленением Церкви» (так и названа его работа 1520 г. — *лат.* «De captivitate Babylonica ecclesiae praeludium»). С точки зрения М. Лютера, главным заблуждением Церкви стало пренебрежение Писанием в пользу многочисленных человеческих преданий, основанных на искажённом понимании посредничества между человеком и Богом, во многом связанных с властными и материальными притязаниями священной иерархии во главе с папой. Перечисляя искажения в евхаристическом богослужении, М. Лютер выделял три основных: учение о пресуществлении, понимание мессы как жертвы, преподание причастия под одним видом. Кроме того, немецкий реформатор отвергал сам богословский способ рассуждения о Евхаристии. М. Лютер считал его изменой апостольской простоте веры и словам Христа:

«Церковь праведно веровала более двенадцати столетий, и о трансубстанциации (поистине ужасное и вымышленное слово!) никогда и нигде не упоминали святые отцы, пока выдуманная философия Аристотеля не взяла верх в Церкви в последние триста лет <...>. Они все воображают, будто приносят Христа в жертву Богу Отцу как полноценную жертву и что этим они совершают доброе дело для всех молящихся <...>. Ибо они веруют в “совершённое дело” (*opus operatum*) и не придают большого значения молитве»¹.

1 Лютер М. О Вавилонском пленении Церкви. Санкт-Петербург, 2017. С. 108, 127.

«Месса <...> есть обетование отпущения грехов, дарованное нам от Бога, — объясняет Лютер, — к ней идут не с добрыми делами, не с усилиями и не с заслугами, но только с верой. Ибо там, где есть Слово Бога, Который обещает, там необходима вера человека, который принимает это обещание»².

Учение М. Лютера о всеобщем священстве отвергает общепринятый иерархический строй Церкви:

«Мы все без исключения посвящены в священники через Крещение <...>. Те, кого ныне называют духовными лицами или священниками, епископами и папами, отделены от других христиан не каким-либо различием или достоинством, а тем, что имеют дело с таинствами и Словом Божиим»³.

Всё, что не соответствует религиозным принципам Реформации, М. Лютер называет «идолопоклонством» и «словами людей»:

«У нас есть закон Христа, и нам не нужно ни препятствовать, ни выслушивать Собор в вопросах, о которых свидетельствует Писание»⁴.

В произведениях М. Лютера, посвящённых теории и практике служения мессы («Чин мессы и причащения для Виттенбергской Церкви» (1523 г.) и «Немецкая месса и чин богослужения» (1526 г.)), можно выделить следующие положения:

- месса не жертвоприношение и не «дело», а трапеза Господня (*caena Domini*), установленная Им для причащения народа. Необходимо исключить из текста канона всё, относящееся к пониманию мессы как жертвы, в особенности молитвы приношения Даров (для этого «*Sanctus*» и возношение Даров переносятся на время после причащения⁵), и упразднить служение мессы без народа (так называемые «частные мессы»);
- главенствующее место должно быть возвращено слову Божию и проповеди (следует ввести практику ежедневного толкования Писания; уравнивать национальный литургический язык с латынью; поощрять совместное пение на народном языке;

2 Лютер М. О Вавилонском пленении Церкви. С. 114, 115.

3 Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации // О Вавилонском пленении Церкви... С. 23, 24.

4 Luther M. Formulae Missae et Communionis pro Ecclesia Wittembergensis // Liturgies of the Western Church. Cleveland, 1975. P. 118.

5 См.: Luther M. Deutsche Messe // Liturgies of the Western Church. Cleveland, 1975. P. 128. Рус. пер.: «Мы не хотим отменять возношение, но сохраняем его, так как оно хорошо сочетается с немецким *Sanctus* и означает, что Христос повелел нам вспоминать о Нём».

в лекционных преимущество отдать чтениям, укрепляющим веру; возродить чтение вслух священнических молитв);

- верное воспроизведение положения участников Тайной Вечери означает, что священник должен быть обращён лицом к народу⁶;
- необходимо ввести системную литургическую катехезу, проверяя знания приступающих к причастию, а также их поведение в повседневной жизни;
- требуется восстановить причащение под двумя видами;
- желательно упразднить дни празднования святым (и соответственно их литургическое поминовение);
- основным принципом возможных изменений должно считать вариативность, но при обязательном сохранении чтения Писания и установительных слов Христа.

Рассуждая о мессе как чинопоследовании, М. Лютер подчёркивает её непосредственную связь с Евангелием:

«Месса — это употребление Евангелия и приобщение трапезе Господней»⁷.

Месса должна служить напоминанием о Завете и укреплять веру молодёжи и простого народа:

«Мы составляем эти чины не для тех людей, которые уже христиане, ибо они им не нужны. Прежде всего это делается ради простых людей и молодёжи <...> дабы они были приучены к Писанию, были в нём искусны, сноровисты и сведущи, чтобы защищать свою веру <...>. Ради них и следует читать, петь, проповедовать, писать и сочинять <...>. Учить и вести народ — вот что нужно»⁸.

Во всём, что не касается установительных слов: обрядов, облачений, пения, — допускается известная свобода:

«Этим или любым другим чином следует пользоваться так, чтобы, как только из него получится злоупотребление, его можно было сразу отменить и составить другой <...>. Чинопоследование — вещь внешняя. Жизнеспособность, ценность, сила и достоинство всякого чина заключается в его правильном употреблении»⁹.

6 См.: *Luther M. Deutsche Messe*. P. 131. Рус. пер.: «На правильной мессе у настоящих христиан алтарь должен располагаться не так, как сейчас, и священник должен быть обращён лицом к народу, как, несомненно, поступил Христос на Вечере».

7 *Luther M. Formulae Missae et Communionis pro Ecclesia Wittenbergensis*. P. 88.

8 *Luther M. Deutsche Messe*. P. 124.

9 *Ibid.* P. 137.

Единственное формальное ограничение у М. Лютера — отсутствие пышности и внешнего великолепия¹⁰.

Всё сказанное хорошо вписывается в стандартные представления о протестантском характере богослужения. Вместе с тем, обосновывая свои предложения, М. Лютер ссылается не только на Писание, но и на святоотеческую традицию: на творения святителей Афанасия, Киприана и Василия Великого¹¹. Кроме того, М. Лютер нигде не настаивает на всеобщем причащении; напротив, он предлагает выделить для желающих причаститься особое место в храме, так чтобы их видели остальные верующие:

«Богу не важно, где человек встанет, тут или там, и к вере это ничего не прибавляет, однако нужно, чтобы и причащающиеся, и не причащающиеся [участники службы] хорошо видели и знали причастников...»¹².

Участие верных для М. Лютера, таким образом, означает не столько причащение сакраментальное, сколько причащение слову Божию во всех его возможных проявлениях.

Реформатское богословие также отвергает Евхаристию как пресуществление и жертву¹³, а литургическое богослужение кальвинизма, «вечеря Господня», отличается даже большей простотой и аскетичностью. Так называемый «регулятивный принцип»¹⁴ кальвинизма пред-

10 См.: *Luther M. Formulae Missae et Communionis pro Ecclesia Wittenbergensis*. P. 93. Рус. пер.: «Мы ничего не сказали об облачениях. Но о них мы придерживаемся такого же мнения, как и об обрядах. Мы разрешаем пользоваться ими по собственному усмотрению, только бы не было помпезности и роскоши».

11 Ibid. P. 85. Рус. пер.: «Впрочем, добавления ранних отцов, о которых мы читаем, что они молились одним или двумя псалмами перед благословением хлеба и вина, были похвалы. Полагают, что это были Афанасий и Киприан. Ещё хорошо поступили те, кто добавил <Кирие элейсон>. Как известно, при Василии Великом <Кирие элейсон> использовался всем народом».

12 Ibid. P. 95.

13 См.: *Кальвин Ж. Наставление в христианской вере*. Т. 3. Москва, 1999. С. 414, 417: «Поистине не подлежит сомнению, что, воздвигая жертвенник, мы роняем Крест Христов. Ведь если Он принёс самого Себя в жертву на Кресте, чтобы навсегда освятить нас и приобрести для нас вечное искупление (см. Евр. 9, 12), то действительность этой жертвы, несомненно, должна длиться вечно <...>. Если Иисус Христос приносится в жертву при совершении каждой мессы, то в каждый момент во множестве мест Его должны жестоко убивать»

14 См.: *Кальвин Ж. Наставление в христианской вере*. Т. 1. Москва, 1997. С. 99–100: «Если у папистов есть хоть капля совести, пусть они впредь откажутся от лживых уверений, будто иконы суть книги для неграмотных. Ведь множество свидетелей Писания должно было бы убедить их в обратном! Тот, кто праздно gazeет по сторонам и разглядывает изображения, обнаруживает полное безразличие к обращению к нему Бога <...>»

полагает полное и буквальное соответствие Евхаристии с новозаветным установлением Христа, минимальное использование ритуальных действий и тем более изображений.

«Что касается внешнего обряда — принимают ли верующие хлеб в руки или нет; делят ли его между собой или каждый ест то, что ему дано; возвращают ли чашу служителю или передают следующему; употребляют ли для причастия пресный или кислый хлеб, красное или белое вино — это не имеет значения. Все эти вещи безразличны и оставлены на усмотрение Церкви»¹⁵.

В «Установлениях» Ж. Кальвин критикует причастие под одним видом и повсеместную практику причащения раз в год, подтверждая свою точку зрения авторитетом святых отцов¹⁶. Женевский реформатор решительно отвергает католическое учение о священстве как о ложном посредничестве:

«Утвердилось ошибочное мнение, будто необходимы священники, которые приносили бы жертвы за народ, — словно Вечеря была предназначена исключительно для них!.. Так была открыта дорога частным мессам, которые являют скорее разобщённость, чем общность, установленную Господом: ведь священник и жрец, поглощая свою жертву, отделяется от всего народа верующих»¹⁷.

Реформация стала мощным стимулом для внутренней консолидации католического мира. На Тридентском Соборе (1545–1563 гг.) было закреплено традиционное учение о таинстве Священства, о пресуществлении и жертвоприношении мессы. Некоторой уступкой протестантскому призыву можно считать пассаж об участии верных в литургии:

«Священный Собор предпочёл бы, чтобы на каждой Мессе присутствующие верные причащались не только духовным расположением, но также и таинственным принятием Евхаристии <...>. Если, однако, не всегда бывает так, Собор не осуждает из-за этого как частные и незаконные те мессы, на которых только священник таинственно причащается, но одобряет и даже рекомендует их, причём эти мессы воистину должны считаться публичными — отчасти потому, что на них народ причащается духовно»¹⁸.

простое Слово несёт в себе более пользы для простецов, чем тысяча крестов из дерева или камня».

15 Там же. С. 403.

16 Там же. С. 410.

17 Там же. С. 419.

18 Тридентский Собор. Каноны и декреты. Санкт-Петербург, 2019. С. 137.

Одним из результатов процесса внутреннего объединения католицизма стала кодификация мессы и издание Миссала Пия V (1570 г.). Литургия впервые стала рассматриваться не только как чин, но и как объект церковного права, как важный атрибут верности папе и католической доктрине. На протяжении последующих четырёхсот лет латинская месса служила форпостом католицизма, была его передовым отрядом, опорой и утешением для его верных чад. Со временем достоинство мессы покрылось некоторой патиной, усилились проблемы, связанные с автоматизмом, трудностью языкового восприятия, низкой культурной адаптивностью, однако ещё в начале прошлого столетия она по-прежнему казалась незыблемой. Благодаря литургическому движению XX в., поместившего мессу в контекст исторической критики и поставившему вопрос о сознательном участии верующих в богослужении, отношение к ценности литургической традиции было пересмотрено. В Конституции о священной литургии (далее — SC) (1963 г.) II Ватиканского Собора декларируется необходимость реформы, возвращающей литургию в центр христианской жизни¹⁹. Её основными принципами являются:

- литургия есть «вершина, к которой стремится деятельность Церкви, и вместе с тем источник, из которого исходит вся её сила» (SC 10);
- богослужение — действие всей Церкви и исполнение священнического служения Христа, Который присутствует в богослужении в лице священнослужителя, под евхаристическими видами, в Своём слове и псалмопении (SC 7);
- целью богослужения является освящение людей во Христе и прославление Бога, а средством — полное, сознательное и деятельное участие (SC 14);
- пастырям следует проводить литургическую подготовку верующих (SC 56);
- Церкви надлежит заботиться об устройении литургии, руководствуясь общими и частными нормами: использовать большее количество чтений из Священного Писания (SC II, 51); восстановить значение проповеди как одной из неотъемлемых составляющих литургии (SC 52); возродить «молитву верных» (SC 53); в некоторых случаях разрешить мирянам причащение под обоими видами (SC 55); поощрять народное пение (SC 118); сохраняя латынь как основной богослужебный язык,

19 Конституция о священной литургии «Sacrosanctum Concilium» // Документы II Ватиканского Собора. Москва, 2004. С. 17–72.

допустить использование национальных языков в изменяемых частях мессы (SC 101).

Отцы II Ватиканского Собора рассматривали реформу в двух аспектах: как возвращение к церковному Преданию и как пастырскую заботу о верующих:

«Чин мессы следует пересмотреть таким образом, чтобы явственнее представал смысл, присущий каждой отдельной её части, равно как и взаимосвязь между этими частями, и облегчалось благоговейное и деятельное участие верных. Поэтому обряды, существо которых должно строго сохраняться, следует упростить: опустить то, что с течением времени стало повторяться или было добавлено без особой пользы. Напротив, кое-что из того, что со временем незаслуженно исчезло, надлежит восстановить по исконным правилам святых отцов, если это покажется уместным или необходимым» (SC 50).

Несмотря на то, что сопоставление принципов, выдвинутых М. Лютером, с положениями Конституции о священной литургии давало некоторые основания для подозрения в протестантском влиянии, документ был принят подавляющим большинством голосов (2147 — за, 4 — против). В январе 1964 г. посланием Павла VI «*Sacram Liturgiam*» провозглашалось создание Совета по исполнению постановлений Конституции, в который вошли лучшие учёные-литургисты того времени: Й. Вагнер, Л. Буйе, Б. Нойнхойзер, Ч. Вагаджини, Г. Дикманн²⁰. В 1967 г. во время Синода епископов была совершена экспериментальная «нормативная месса», вызвавшая массу нареканий (в особенности новосоставленный евхаристический канон и перенесение слов «тайна веры» (лат. «*mysterium fidei*») из середины формулы освящения в её конец)²¹. В ноябре 1969 г. апостольской конституцией Павла VI «*Missale Romanum*» был провозглашён выход нового миссала, который сопровождался «Общим наставлением» (лат. «*Instructio Generalis Missalis Romani*»), то есть богословским введением и комментарием к чинопоследованию.

Новый, или переработанный, чин «*Novus Ordo*» сразу стал объектом критического рассмотрения, которое получило выражение в трактате «Вмешательство кардинала Оттавиани». Суть главной опасности,

20 Подробнее об этом см.: *Marini P.* A Challenging Reform. Realizing the Vision of the Liturgical Renewal. Collegeville (Minn.), 2007. P. 121–127.

21 Из 12-ти предложенных папой вопросов, касающихся структуры и текста новой мессы, только половина набрала две трети из 187 епископских голосов. См.: *Chiron Y.* Annibale Bugnini. Reformer of the Liturgy. Brooklyn (N.Y.), 2018. P. 129–130.

которую авторы «Вмешательства» увидели в «Генеральной инструкции», была выражена в следующих словах:

«По многим пунктам она может сильно порадовать сердце даже самого модернистского протестанта»²².

К наиболее серьёзным претензиям критиков относятся те, которые указывают на «протестантский след» и ставят под сомнение пастырский потенциал нового чинопоследования:

- месса называется «собранием», «вечерей Господней», «трапезой», «столом слова Божия», «пасхальным пиршеством», но не примирительной жертвой за грех²³: алтарь именуется «столом»²⁴;
- налицо пренебрежение доктриной пресуществления²⁵ и действительного присутствия Христа в Дарах²⁶;
- сакраментальная роль священника сведена к положению протестантского «председателя собрания»²⁷; миряне выступают как обладающие самостоятельной священнической властью²⁸;
- момент освящения принижен и сведён к евангельскому рассказу об установлении Евхаристии;

22 The Ottaviani Intervention: Short Critical Study of the New Order of Mass. West Chester (Ohio), 2010. P. 42.

23 «Вечеря Господня, или Месса — это священное собрание или сообщество народа Божия, собравшегося вместе, под председательством священника, чтобы отпраздновать воспоминание о Господе <...> *Novus Ordo* изменяет природу жертвенного предложения, превращая его в своего рода обмен подарками между Богом и человеком» (Ibid. P. 42, 48).

24 Ibid. P. 54.

25 «В старом служебнике текст Писания не использовался дословно как формула пресуществления. Выражение ап. Павла *тайна веры* было вставлено в текст как непосредственное выражение веры священника в тайну, которую Церковь делает реальной посредством священнической иерархии» (Ibid. P. 56).

26 «Согласно новому определению мессы, Христос присутствует здесь лишь духовно: здесь хлеб и вино преобразуются лишь духовно, а не сущностно <...> в евхаристических молитвах, повторяющиеся просьбы к Богу, чтобы Он принял Жертву, также оказались изъяты <...>. Действительное и постоянное присутствие Христа в пресуществлённом виде — Тело, Кровь. Душа и божественность — никогда не упоминается. Само слово “пресуществление” полностью игнорируется» (Ibid. P. 49, 50, 52).

27 «В своей трактовке зывания к Святому Духу в Евхаристической молитве (*epiclesis*) “Генеральная инструкция” приписывает воззвания анонимно Церкви» (Ibid. P. 61).

28 «В мессе роль, приписываемая верующим, является автономной, абсолютной — и, следовательно, абсолютно ложной <...>. “Священническое служение” верующих представлено двусмысленно, как будто оно автономно, без упоминания о том, что оно подчинено священнику, который, во время канона мессы, как посвящённый посредник, представляет просьбы людей Богу» (Ibid. P. 59).

- введение вариативности разрушает единство литургии (введены три новых евхаристических канона, допускаются причастие под двумя видами, служение священника «лицом к народу», использование национальных языков, регулярный пересмотр священных книг)²⁹;
- налицо нездоровое поклонение древности в ущерб догматической и доктринальной чистоте.

После того как критические замечания стали достоянием папы и церковной общественности, Служебник 1970 г. получил новое предисловие. Список мест, исправленных в «Генеральной инструкции», составил шестнадцать страниц. Характер переработанного текста гораздо больше соотносился с учением Тридентского Собора.

«Во время служения мессы, которая актуализирует Крестную Жертву, — говорится в новой редакции, — Христос действительно присутствует в общине, собранной во имя Его; Он присутствует в личности служителя, в Его собственном слове, а также существенно и неизменно в евхаристических Дарах»³⁰.

И всё же, несмотря на исправления, ни «Конституции о священной литургии», ни II Ватиканскому Собору в целом не удалось полностью избавиться от подозрений в «протестантском пленении».

Начиная с индульты кардинала Хинана (1971 г.)³¹ и до настоящего времени, куриальный институт, отвечающий за литургическую практику латинского обряда, оговаривал условия, согласно которым допускалось ограниченное использование Тридентского миссала (например, монастырям с древними уставами или группам ревнителей Тридентской мессы)³².

29 «Новый Служебник был представлен в Риме как “богатый ресурс для пастырской работы”, как “текст, более пастырский, чем юридический”, который национальные епископские конференции могут адаптировать, в зависимости от обстоятельств, к “духу” разных народов <...>. Так как единство культа разрушено раз и навсегда, то какой будет основа для единства веры, которая сопровождала его и о которой нам твердят, что её всегда будут бескомпромиссно защищать?.. К чему сводятся эти экуменические заимствования? В основном к введению многочисленных текстов для евхаристической молитвы — ни один из которых не приближается к сложности или красоте к их восточным аналогам — и к разрешению Причастия под двумя видами...» (Ibid. P. 68, 69, 70).

30 Chiron Y. Annibale Bugnini. Reformer of the Liturgy... P. 147.

31 Официальное дозволение папы Павла VI служить мессу дореформенного обряда для группы верующих, обратившихся к нему при посредничестве кардинала Д. К. Хинана, архиепископа Вестминстерского.

32 См., например: «В приходах, где стабильно существует группа верных, преданных предшествующей литургической традиции, настоятель пусть охотно примет их прошение

С богословским анализом феномена протестантского воздействия выступали многие католические богословы. Например, Ив Конгар рассматривал влияние протестантизма в свете универсальной «метафизики обращения», восходящей к блж. Августину и мистико-религиозным движениям средних веков.

«Я называю это диалектикой обращения, — пишет Ив Конгар, — которая всегда стремится найти подлинную реальность, идя от внешнего к внутреннему, от внешних элементов к внутренней реальности, которую они символизируют <...>. Церковь как *communio sacramentorum*, Церковь таинств и иерархии всецело ориентирована на Церковь как *communio sanctorum*, общение святых, союз любви в Теле Христовом. Даже августиновские определения богослужения, жертвы и священства соотносятся с этой точкой зрения <...>. Вся тайна Церкви, равно как и все божественные дары, вовлечены в это движение извне вовнутрь. Литургия, таинства и вся Церковь должны найти истину и обрести реальность в самих верных, в их духовной жизни, в вере и милости человеческой души <...>. Поскольку всякое учение, связанное с внутренним опытом, открыто пророческому отношению, августинианская традиция содержит в себе противоречие. Оно <...> может быть истолковано в менее католическом духе по причине изоляционистского мышления, как случилось с Лютером и янсенистами»³³.

И. Конгар полагал, что дух церковной реформы коренится в «августинианском» убеждении в том, что смысл вещей важнее их внешнего выражения и что обращение к этому смыслу только подтверждает живительную силу церковной традиции.

Немецкий богослов Р. Гвардини, проводя параллели между Реформацией и католическим богословием эпохи II Ватиканского Собора, считал, что новое понимание литургии во многом представляет собой одно из выражений стремления непосредственного и личного контакта с Богом:

«К чему стремилась Реформация: взрослый человек хочет иметь дело непосредственно со словом Божиим; без клира <...> как обладающий

о служении святой мессы по чину Римского Миссала 1962 года издания. Пусть он стремится гармонично согласовать благо этих верных с обычной пастырской заботой в приходе, под управлением епископа и по нормам канона 392, избегая раздоров и стремясь к единству всей Церкви». См.: *Pope Benedict XVI. Apostolic Letter given «Motu proprio» «Summorum Pontificum» On the Use of the Roman Liturgy Prior to the Reform of 1970.* URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/motu_proprio/documents/hf_ben-xvi_motu-proprio_20070707_summorum-pontificum.html

33 Congar Y. True and False Reform in the Church. Collegeville (Minn.), 2010. P. 193, 194.

знанием и желающий святости; то, что говорится на Соборе, похоже на это желание, но как он осуществит его в Церкви, не став протестантским? Возможно ли существование в Церкви “совершеннолетнего” христианина-католика, обращённого к Богу непосредственно?»³⁴

Поставленный вопрос отнюдь не риторический: скорее он выглядит как проблема и одновременно задача на ближайшее будущее.

Один из самых интересных подходов к проблеме протестантского влияния принадлежит кардиналу Й. Ратцингеру (папе Римскому Бенедикту XVI). В произведениях, посвящённых богослужению, немецкий богослов проводит кропотливую работу по отделению важного от второстепенного, существенного от случайного, влияния от пленения. Конфессиональная принадлежность тех или иных убеждений рассматривается им в свете соответствия церковной традиции, следования «духу литургии». Так, он указывает на верное понимание пневматологического характера Евхаристии в кальвинизме:

«Центральное содержание евхаристического богослужения — это вознесение сердца, состояние возвышения и позволение вознести себя к Господу <...>. По сравнению с <...> привязанным к месту благочестием поклонения, мы находим здесь динамическое понимание именно в событии поклонения как возвышения сердца...»³⁵.

Вместе с тем он критикует понятие таинства у Ж. Кальвина, которое редуцируется до акта возвышения Святым Духом, будучи лишённым веры вхождения Господа в земную действительность.

Й. Ратцингер признает правомочность желания М. Лютера

«вернуться к скромной простоте Библии <...> вернуться к установлению Самого Господа, снова придать ему полную значимость вопреки всем позднейшим разрастаниям»³⁶.

Действительно, в ходе философского развития поздней схоластики понятие пресуществления стало внутренне противоречивым. Вместе с тем именно из-за неверного понимания Писания М. Лютером возникла «двойная поляризация» Евхаристии, когда внимание, обращённое на Святые Дары, переносится исключительно на слово и на самосознание верующего:

«Вкусение становится вторичным по сравнению со слышанием»³⁷.

34 *Guardini R. Stationen und Rückblicke / Berichte über mein Leben. Ostfildern, 2023. S. 286.*

35 *Ратцингер Й. Богословие литургии. Москва, 2017. С. 332, 335.*

36 Там же. С. 339.

37 Там же. С. 344.

Поднимая вопрос о жертвенном характере мессы, Й. Ратцингер подчёркивает преемственность трапезы и жертвы и в конечном счёте — Ветхого и Нового Завета:

«Все эти застольные молитвы Израиля, все благословения <...> возвращаются вокруг события Пасхи, обращены к Пасхе Израиля, откуда они исходят и которой живут. Это означает, что они в глубине являются предварениями пасхальной тайны Иисуса Христа»³⁸.

Напоминая о том, как в III в. месса «перешла» с греческого на латынь, Й. Ратцингер замечает, что единство литургии нарушается только в том случае, если язык не подчёркивает универсальности благовестия:

«Мы с благодарностью должны принимать и то и другое: нормальная форма Евхаристии — на родном языке, но мы не должны разучиться молиться и любить её на общем для Церкви языке, служившем многие века, чтобы время от времени снова совершать её вместе и иметь возможность вместе славословить в ней Бога...»³⁹.

Ключевым аргументом в пользу единства мессы Й. Ратцингер видит в её принадлежности Преданию Церкви:

«Мы все должны <...> понимать, что не священник распоряжается евхаристией и отдельная община ею не распоряжается, что она подарок Иисуса Христа всей Церкви и что она сохранит своё величие, только если мы примем её в этой её неслучайности»⁴⁰.

Всё, что не противоречит живой универсальной традиции, нельзя отвергать.

«С одной стороны, всегда важно вобрать всё богатство молитв, чаяний и веры народов, но с другой — нужно очистить его таким образом, чтобы не было скрыто истинное содержание, чтобы была видна истинная тайна Иисуса Христа в её чистоте и величии»⁴¹.

Напротив, всё неглубокое, поверхностное, противоречащее традиции может считаться «пленением»:

«Основные понятия нового взгляда на литургию можно передать ключевыми словами: креативность, свобода, праздник, община. С такой точки зрения обряд, обязательность, внутреннее переживание, общецерковный порядок кажутся негативными понятиями, описывающими состояние “старой” литургии, которое необходимо преодолеть <...>. Основная мысль подобных рассуждений заключена

38 Ратцингер Й. Богословие литургии. С. 408.

39 Там же. С. 412.

40 Там же.

41 Там же. С. 405.

в представлении, что литургия — это праздник общины, акт, в котором община образуется как община и познаёт себя <...>. Слишком уж убого объявлять Евхаристию трапезой общины. За неё заплачено смертью Христа, а радость, которую она обещает, предполагает вхождение в тайну этой смерти. Евхаристия ориентирована эсхатологически и поэтому ориентирована на богословие Креста. Вот что имеется в виду, когда Церковь настаивает на жертвенном характере мессы»⁴².

Итак, литургия не «конструируется» людьми в зависимости от их желаний, а смиренно принимается, оживая каждый раз во время совершения; её универсальность проявляет себя в форме, которая дана заранее в качестве «обряда». Литургия не человеческое, но Божие дело, которое ведёт в область изначально данного, переданного на хранение Церкви. В творческом начале литургии, реализующем богатый человеческий потенциал, заложено отношение доброго делателя, который заботливо *очищает всякую ветвь, приносящую плод, чтобы более принесла плода* (см. Ин. 15, 2). Применяя слова прот. Георгия Флоровского о «новой творческой активности»⁴³ к литургии, можно сказать, что противостоянием от пленения должно быть непрестанное обращение к основаниям литургической традиции, к духу литургии, в котором вечное превалирует над временным, а божественное — над человеческим.

Суммируя сказанное выше, протестантское влияние в литургии можно условно разделить на два типа:

1. «Обновляющее», благодаря которому возрождаются находящиеся в некотором пренебрежении элементы Предания (например, проповедь, изучение Писания и катехизация), отвергаются заблуждения и крайности (например, чьи-либо притязания на главенство в Церкви);
2. «Изменяющее», вводящее специфические элементы протестантской духовности и культуры (например, акцент на личную обращённость к Богу, учение об оправдании верой, обрядовая простота и толерантность, широкое использование национального языка в литургии; внимание к особым харизматическим дарам).

В этой типологии призыв к возвращению в лоно традиции (что соответствует первому типу) может рассматриваться как «благотворное

42 Ратцингер Й. Богословие литургии. С. 466, 471.

43 Флоровский Г., прот. Западные влияния в русском богословии. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/zapadnye-vlijaniya-v-russkom-bogoslovii/#source

влияние», а её искажение или создание своей собственной традиции (что отчасти соответствует второму типу) как «пленение». Разделительной чертой между двумя типами влияния становится сам дух церковной молитвы, не терпящий разделений и противоречий: *дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге* (1 Кор. 12, 25).

Источники

Liturgies of the Western Church. Cleveland: Collins World, 1975.

The Ottaviani Intervention: Short Critical Study of the New Order of Mass. West Chester (Ohio): Philothea Press, 2010.

Документы II Ватиканского Собора. Москва: Паолине, 2004.

Триденский Собор. Каноны и декреты. Санкт-Петербург, 2019.

Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Москва: Изд. РГГУ; CRC World Literature Ministries, 1997.

Лютер М. О Вавилонском пленении Церкви. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское общество Мартина Лютера; Изд. Санкт-Петербургского христианского университета, 2017.

Литература

Ратцингер Й. Богословие литургии. Москва: Благотворительный фонд имени святителя Григория Богослова, 2017.

Флоровский Г., *прот.* Западные влияния в русском богословии. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/zapadnye-vlijaniya-v-russkom-bogoslovii/#source (дата обращения: 30.1.2025).

Congar Y. True and False Reform in the Church. Collegeville (Minn.): Liturgical Press, 2010.

Chiron Y. Annibale Bugnini. Reformer of the Liturgy. Brooklyn (N. Y.): Angelico Press, 2018.

Guardini R. Stationen und Rückblicke / Berichte über mein Leben. Ostfildern; Paderborn: Matthias Grünewald Verlag Brill; Ferdinand Schöningh, 2023.

Marini P. A Challenging Reform. Realizing the Vision of the Liturgical Renewal. Collegeville, (Minn.): Liturgical Press, 2007.

Pope Benedict XVI. Apostolic Letter given «Motu proprio» «Summorum Pontificum» On the use of the Roman Liturgy prior to the reform of 1970. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/en/motu_proprio/documents/hf_ben-xvi_motu-proprio_20070707_summorum-pontificum.html (дата обращения: 6.2.2026).